

ББК 63.51(2)

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА

Е. И. Кривошеина

SPECIFICITY OF EDUCATION IN THE OLD BELIEVERS' CULTURE IN VYATKA REGION DURING THE SOVIET PERIOD

E. I. Krivosheina

В статье выявляются некоторые особенности специфики воспроизводства духовного опыта в среде старообрядчества в Вятском регионе в советский период: обращается внимание на явление книжности, воспитание и образование детей, способы выживания и приспособления староверов в советские годы. Автором используются архивные, экспедиционные источники и воспоминания современников, помогающие выявить заявленные особенности, в том числе в контексте истории повседневности.

This article reveals some specific peculiarities of reproduction of the spiritual experience in the old ritual surroundings in Vyatka region during the Soviet period. The attention is paid to the phenomena of bookloving, education and bringing up of old believers' children, ways of surviving and adaptation in the Soviet period. Archives, expedition sources and memoirs of contemporaries used in the article make it possible to reveal declared peculiarities in a context of everyday life.

Ключевые слова:

старообрядцы, старообрядческая община, образование, воспитание, книжность.

Keywords:

old believers, old believers' community, education, bringing up, bookloving.

Актуальность темы старообрядческой культуры является непреходящей, так как в ней постоянно возникают новые сюжеты и подходы к изучению. В комплексе с определением вклада староверия в мировое культурное наследие и развитие экономических институтов представляется ценным исследование региональных особенностей этой культуры. Именно они составляют многоцветную палитру общей картины, в них сохраняются важные черты, механизмы воспроизводства основ «древлего благочестия».

Безусловную роль в передаче духовного опыта староверов играла книга. О книжности в среде старообрядцев писали многие исследователи, выявляя ее роль в воспитании, отстаивании веры, религиозных обрядах, формировании мировоззрения. Среди них А. Г. Мосин и его труд «Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVII – середина XIX вв.)» 1986 года, И. В. Поздеева и ее «Коллекция старопечатных книг XVI – XVII вв. из собрания М. И. Чуванова» 1981 года, авторы работы «К истории книжной культуры Южной Вятки: полевые исследования по материалам археографической экспедиций 1984 – 1988 гг.» 1991 года и другие.

Однако тема культурного наследия старообрядчества настолько многогранна, что, сохраняя общие тенденции, по-разному раскрывается на материалах различных регионов нашей страны. Особое внимание должно уделять явлениям, датирующимся XX столетием. Поэтому важным представляется выяснение – на основе сравнений с XIX веком – специфики развития книжности в сообществе вятских староверов в период социализма, а также рассмотрение особенностей формирования мировоззре-

ния посредством книжности, определения круга чтения и его влияния на воспитание и образование детей, выживания самого старообрядчества в условиях почти всегда воинствующего атеизма.

Круг источников включает в себя фонды Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Кировской области, Центрального державного исторического архива и материалы книжных собраний, зафиксированные в экспедициях. Как вид источника можно рассматривать и опубликованные воспоминания старожилов старообрядческих поселений, таких как Б. Мосунов [1]. Весьма ценными являются устные рассказы жителей деревень старообрядцев, собранные автором в ходе историко-бытовых экспедиций (ИБЭ) в разных районах Кировской области в 1990-х и 2000-х годах. В работе используется периодическая печать с ее множеством исторических конкретий.

Общеизвестно, что еще в начале XX века староверы имели гораздо больший уровень грамотности, чем представители официального православия, особенно в крестьянской среде. То же самое можно с уверенностью сказать о Вятском регионе, однако стоит подчеркнуть отсутствие здесь старообрядческих скитов и монастырей, крупных училищ как центров распространения грамотности и мировоззрения. В скитах, монастырях были свои учителя, библиотеки и целые канцелярии, в которых в огромном количестве экземпляров переписывались старые книги, тетради и рукописи, составлялись стихи, сатиры [2]. Эту роль в Вятском регионе брали на себя в основном крестьянские сообщества – общины. Крестьяне и ремесленники – старообрядцы отличались трудолюбием и рачительным подходом к делу, соответственно, в большинстве своем имели крепкие хозяйства и возможность приобретать хотя бы небольшое количество книг разных издательств.

Как и по всей стране, книга служила обязательным, неприкасаемым и чаще всего единственным авторитетом в любом вопросе традиционной веры и жизни. Чтение книг для старообрядцев означало вхождение в живую духовную традицию [3]. В рукописи неизвестного автора «Разговоры бывшие в доме купцов Мусориных» (о раскольниках) 1769 – 1770 годов приводится следующая речь мещанина-старообрядца: «Примечаю я, что подлинно прельщаети ты меня, ибо неизвестного учителя Дамаскина паче старопечатных книг достоверным порицаешь, то кто сему поверить может чтоб оставя московские книги печатные да последовал неизвестному учителю...» [4]. Вятские старообрядцы так же нуждались в авторитете книги для защиты в религиозных спорах с миссионерами, активно работающими прежде всего в сельской среде, очаге старообрядческого мировоззрения.

Неслучайно появление именно на Вятской земле собственной старообрядческой типографии, открытой Л. А. Гребневым, и именно в крестьянской среде, в сообществе деревни Старая Тушка. Примечательно, что первым изданием, напечатанным «в селе Тушке, Вятския страны, в пределах града Малмыжа», явилась азбука, вышедшая тиражом 4 тыс. экземпляров и предназначенная для обучения детей церковнославянскому чтению и письму [5]. Судя по воспоминаниям старожилов ряда деревень, книги этой типографии оставались основополагающими для чтения даже в период социализма.

В мировоззрении вятских староверов большое значение имела трансляция собственной культуры для молодежи, и для этого делалось все возможное в существовавших условиях. В своей повести «Путь к прощению» односельчанин Л. А. Гребнева Борис Мосунов писал, что духовные наставники, которые выделялись из общей крестьянской среды философским отношением к жизни, серьезно подходили к обучению подрастающего поколения грамоте. Печатных книг не хватало, и не каждый крестьянин из-за дороговизны мог их купить. Поэтому обучение проводилось в

основном по рукописным «азбукам», «псалтырям» и «часовникам». Для этого учитель Алексей Андреевич специально нанимал одаренных каллиграфов из местных грамотных старообрядцев, которые украшали и переписывали книги со старопечатных экземпляров [6].

У вятских староверов имелись достаточные книжные собрания до революционных потрясений 1917 года. К примеру, в 38 делах, заведенных на них Вятской консисторией, среди владельцев книг указано всего лишь два работника завода и два мещанина из общего количества крестьян. Интересен их круг чтения. Самыми распространенными книгами в крестьянских домах были псалтыри, часовники, стихарники, молитвенники. Бытование литургических книг – неотъемлемая черта всех староверов. Это специфично, так как, например, у старообрядцев Бессарабии наблюдалось господство литургических книг, преобладание сборников проповедей, торжественных речей и т. д., а в Прикамье – духовных песен, поучительных сочинений [7].

В Вятском регионе помимо литургических книг довольно часто встречались и различные стихи, сборники проповедей, жития, «Слово», исторические сочинения. Среди них – «Книга письменная, Маргарит св. Иона Златоустого», «Житие и служба Иоанну Богослову», «Поучения о матерном слове», «Повествование в Иерусалиме о падении какого-то небесного камня», «разные исторические сказания о церкви», «Руководство к сокращенному познанию всех наук» и многие другие [8]. Причем примерно половину всех перечисленных книг составляли рукописи. Показательно, что на протяжении XX столетия они не только сохранялись, но и использовались. В период социализма некоторые разновидности книжности воспроизводились в этом отдаленном от центра и супер-крестьянском регионе с его значительным бездорожьем и ограниченной коммуникацией.

Об особой значимости книг в Вятском крае говорит и то, что они очень ценились в старообрядческой семье, составляли часть наследия, о чем свидетельствуют записи владельцев. В стихарнике (рукописная в четверть листа книжка) такая запись: «Сей стихарник купил Михаил Антонович. По смерти его поступил по наследству старшему сыну Севастьяну, а по смерти Севастьяна в 1902 году 14 октября перешел в наследство его родному сыну Трофиму Чучкалову» [9].

В годы советской власти довольно широко использовались сборники размером в четверть листа. В них собирались добровольные поучения, осуждения пьянства, веселых гульбищ, осуждалось употребление чая, табака, критиковались никонианские церковные обряды и порядки, говорилось о пришествии антихриста. Переписывались те или иные сочинения на листы обычного тетрадного формата. Такие рукописи были у С. А. Матюшина (пос. Уни) Ф. Д. Шумихина (д. Порез). В шумихинской рукописи есть даже ноты [10].

Кроме того, до наших дней сохранились переписанные в советское время в тетради религиозные произведения с пометками «Гл. 9 очень поучительна о грехах – надо ее читать почаще» или «Иеремия Гл. 7-я вся поучительна прочесть внимательно», а также духовные стихи: старинные и собственного сочинения – в ответ времени:

Жизнь унылая настала, лучше братья умереть,
Что вокруг нас происходит, тяжело на все смотреть,
Церкви божии закрыты, их лишили красоты,
В них все окна перебили, снимали все кресты,
Службу божию забыли, лик священный удалили,
Запугали богохульством и Творца не признают... [11].

Из приведенных выше примеров понятно, что в старообрядческих крестьянских сообществах формировалось свое мировоззрение, свой отклик на различные события, воспроизводились жизненные приоритеты, нравственные законы и воспитание.

Известно, что старообрядческие писатели, провозглашая верность традиции, создавали собственную систему литературных и богословских жанров, особый механизм сохранения традиции, свою систему подхода к древнему и новому текстам [12]. Такая система была выработана и вятскими старообрядцами. При этом она не противоречила применению технических новшеств. Крестьянские сообщества староверов отличались крепким хозяйством благодаря не только аскетизму, трудолюбию и рачительности, сформированным книжной философией, но и применению светских научных знаний.

В рамках духовной традиции сотворение мира и/или человека оказывалось невозможным без участия антагониста Бога, который тоже выступал в качестве формообразующего фактора земной, в том числе и человеческой, реальности [13].

Отсюда, светские знания воспринимались как необходимый противовес староверческой культуре, во благо которой использовать их было не грех. Так, дело о «ведении образцового хозяйства в усадьбе государственного крестьянина Вятской губернии Уржумского уезда Пилинской волости Макара Максимовых» говорит, что, будучи старовером, этот человек имел большое количество наград, был автором статей о новинках и экспериментах в ведении хозяйства, описал методы просветительской работы среди местного населения, приглашал агрономов. Интересно, что на примере Макара Максимовича М. Е. Салтыков-Щедрин смог увидеть развитие новых капиталистических отношений в сельском хозяйстве [14]. Поэтому во многом в советское время получение детьми старообрядцев светского образования было вполне естественным.

Даже небольшая часть особенностей развития книжности среди вятских старообрядцев демонстрирует, что созданная система мировоззрения помогала староверам не просто выживать в данных условиях, но и иметь возможность собственного развития. Люди в этой культуре являлись самодостаточными с точки зрения нравственного формирования даже в условиях значительной внешней идеологической обработки в советские годы. Крестьянское сообщество через книжность сумело законсервировать старообрядческую культуру и в то же время развиваться внутри себя, используя для этого внешние факторы, по-своему воспринимая религиозную философию, политические события и научные знания. Вот почему в таком сообществе передача совокупности ценностей и опыта очередному поколению через книжность была одной из важнейших задач, в том числе и в XX веке.

В системе образования и воспитания в среде староверов в годы социализма кроме книжности определенную роль играла и государственная школа. До событий 1917 года в условиях отсутствия особых крупных старообрядческих учебных заведений вопрос обучения молодежи считался первостепенным. Старообрядческое сообщество обеспечивало детей элементарным образованием с помощью небольших домашних школ. В отличие, к примеру, от западных губерний России на Вятке староверческие школы открывались в основном нелегально, тогда как в Киевском учебном округе были случаи одобрения ходатайств по открытию школ, не соответствующих требованиям правительства [15].

Местные власти в борьбе со старообрядчеством делали ставку на открытие и поддержание миссионерских школ, а не учебных учреждений, предназначенных специально для обучения детей староверов. Но в Вятской губернии, в отличие от западных земель, чаще встречаются упоминания об обучении и детей представителей официального православия в старообрядческих школах [16]. Это говорит и о недостаточном количестве учебных заведений в регионе в принципе, особенно в глухих местах, и о более развитой грамотности в губернии именно в среде старообрядчества.

Таким образом, еще до 1917 года у староверов вятского региона против государственных школ сложился своеобразный иммунитет. Именно он в дальнейшем помогал выходцам из старообрядческой среды получать обязательное советское образование с минимальным ущербом для образования и воспитания семейного, старообрядческого.

Религиозное воспитание в контексте повседневности советского времени реконструируется на основании комплекса источников. Обыденная жизнь, бытовые мелочи, взаимоотношения и отношения к житейским вопросам могут формировать целостную картину мировоззрения. Обращение внимания на эти вопросы в ходе историко-бытовых экспедиций в Кировской области позволяет проанализировать и полнее понять некую философию староверия, сам процесс трансляции культуры молодым поколениям.

Домашнее воспитание и образование у вятских староверов на протяжении XX века имели специфичную основу: «У нас в семье говорилось, что работа человека не испортит». Еще один характерный сюжет: «В семье восемь человек было. Младшие уже учились. Для девочки – лишь бы умела прясти и одежду шить. Нам говорили с измальства: книга – это зеркало, в книгу не посмотришься – не знаешь какое у себя лицо» [17]. С раннего детства дети в староверческой семье познавали ценность религиозной литературы, устоев. Приобретенные до революции навыки сопротивления официальной идеологии помогали выходцам из старообрядчества и в годы социализма сохранять свое мнение, отчасти мимикрировать и продолжать воспроизводить моменты религиозной жизни. Последние становились неким нравственным стержнем.

Обучение чтению в семье соотносилось с религиозным воспитанием: «Отец умирает – старший сын книги берет. Книга „Страсти христовы” – слезная книга: без слез не читаю. Двадцать кафизм – моление на каждый день. Мне вот все моление нравится, охота молиться, молитвами лечиться нужно»; «На каждый день есть святой, им и молятся» [18]. Книжность, элементы религиозной деятельности встраивались в ритм жизни.

Важно заметить, что в отчетах о состоянии религиозного движения по Кировской области в послевоенное время часто встречаются описания случаев борьбы с влиянием на детей старообрядческих общин. Так, «священник Пинаев Мефодий Михайлович моленного дома в деревне Байса-Лаптевская Буйского района, несмотря на предупреждения, проводил активную деятельность вовлечению в церковь учащейся молодежи младших, средних и старших возрастов путем организации хора из молодежи, который пел в церкви во время исправления религиозных обрядов (количество хора составляло от 25 – 30 человек). Дети деревни Байса-Лаптевская ходили в молитвенный дом и исправляли религиозные обряды, учащиеся 1, 2, 3 классов носили кресты. В 1950 году священник Пинаев был арестован и осужден» [19]. Однако в отчете за 1953 год указывается, что «после принятых мер учащиеся, ранее носившие кресты, теперь их не носят» [20]. Возможно, многие староверы отказались от видимого влияния на детей (например, в вопросе о ношении креста), все больше усилий прилагая именно в домашнем воспитании.

Трудовое воспитание оставалось непреходящей ценностью. Во-первых, оно по-прежнему воспринималось как продолжение традиций досоциалистической жизни. Во-вторых, успехи в труде были востребованы и новой властью.

Несмотря на распространение комсомольской работы в первой половине XX века, в вятской провинции устои жизни оставались достаточно консервативными. Информанты вспоминают: «В пионеры нас не пускала мать, часто ее в школу вызывали, позорили, спасало только то, что учились на „отлично”» [21]. Характерное

включение в систему официального образования проявляется и в таких воспоминаниях: «Был пионером. Все посты соблюдали. В армию крест брал в бумаге. Когда учился, молитвы читал: „Господи, помоги сдать атеизм”» [22]. Религиозное начало в воспитании дополнялось свойственным эпохе образованием.

История повседневности в старообрядческой культуре рассматриваемого региона в XX веке выявляет соотношения, в которых сочетались религиозная культура, трудовое воспитание дома и в государственных образовательных учреждениях, а также обучение в школе. «Были и гулевые песни, раньше ведь все пели за работой. Ходили в поле с ребенком, рог был вместо бутылки. Деньги в семье и в колхозное время не запирались. Каждый пойдет и скажет сколько, укратчи не брали. С маленькими в семье водиться заставляли. Своя учительница Варвара Калиновна по домам ходила. К домашним работам приучали сильно работать: во втором классе в поле работали, коромысла маленькие были – с реки воду носили» [23], – такое детство было у родившихся в 1920-е и 1930-е годы людей.

Часть устоев жизни связывалась населением с семейными ценностями, стремлением воспроизвести благополучие. «Начал кладут – Бог даст здоровье и судьбу хорошую. Без креста и пояса ангел не хранит. В крещенье вся вода святая с открытых водоемов, травки на этой воде заваришь, быстрее помогает. С полутора лет приучают к молитвам, с пяти лет – к „Отче наш”, с семнадцати – к полным требам... Молиться – как говорить научишься... За стол садишься и молишься. Я еще в школе не училась, но умела читать, читала, как старики поют (тянут)» [24]. Стойкость воспроизводства книжной культуры, элементов религии в XX веке зависела от запретов, страхов деструкции неких вечных основ.

Тщательное собирание колхозных колосков, тайное использование молитв в РККА, по возможности избегание государственных больниц и лекарств, сильный моральный настрой, надежда на Бога – все это характеризует процесс мимикрии старообрядческой культуры в годы советской власти.

Кроме того, в докладах о религиозном движении старообрядцев в середине XX века отмечается, что сами члены семей ответственных работников Омутнинского района были «окутаны паутиной религиозного дурмана». Например, «жена первого секретаря РК ВКП(б) Крючкова – староверка, крестила детей» [25].

История образования в старообрядческой среде в XX столетии, несомненно, включает разделы о школьной жизни. «В школе наши быстрее учились читать, так как дома уже были научены читать более сложные тексты – по-старославянски. Где сложно в математике – за честь и радость считали мы решить такие задачи. Это ведь как в дедовых книгах» [26].

Специфично проявляли себя дети из староверских семей и во внеклассной работе. Одна из классных руководительниц вспоминала, что такие учащиеся были ее верными помощниками: «Они обязательно свое дежурство по классу отведут, и после уроков их не надо искать, чтоб пол в классе вымыть. Бывало, забудешь, что дежурным не напомнила про полы, придешь, а они сами уже все перемыли тщательно, стулья на парты аккуратно поставили. И даже окна и доску обязательно протерли... Да и другие поручения выполняют честно, на „пять”» [27].

В общем, проявлялась мимикрия по отношению к официальной идеологии: «Лучше спрятаться, не отвечать на коварные вопросы и чтоб тебя любили учителя за прилежность, ум и труд». История вятского региона в XX веке выявляет инкультурационную модель, в которой элементы старообрядческого воспитания и обучения в семье максимально безболезненно и результативно вписывались в систему государственного образования.

Таким образом, в системе признанных ценностей старообрядческой культуры

и в XX столетии достойное место, безусловно, занимала книжность. Гармонично вписанная в жизнь старообрядческих сообществ, она многопланово способствовала воспроизводству традиций старообрядческого населения на разных территориях России, в том числе и в рассматриваемой области. С книжностью связаны особенности образования и воспитания подрастающих поколений в старообрядческой среде, отношение к официальной школе и поведение в ней, в том числе и в период советской власти. Выработанный своеобразный иммунитет против давления официальной идеологии до 1917 года специфично стал воспроизводиться во время социализма.

Агрикультурная специфика истории Вятского края демонстрирует модель воспроизведения старообрядческой культуры и вариант вписывания местного староверия и книжности в нем в официальное образовательное пространство. Данный опыт представляется важным в современную постиндустриальную эпоху, когда традиционные ценности призваны укреплять некоторые духовные и материальные ресурсы модернизирующегося общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мосунов Б. Путь к прощению. М., 2004. 116 с.
2. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века: очерки из новейшей истории раскола. М.: Отд-ние Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1904. С. 95.
3. Разумовская О. Старообрядческая система ценностей и ее эволюция на современном этапе // Проблемы духовной жизни России: прошлое и современность: сб. науч. ст. / под ред. О. П. Ершовой. М., 2000. С. 95.
4. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 926. Оп. 1. Д. 297. Л. 29-об.
5. Семibrатов В. К. Лука Арефьевич Гребнев – вятский книжник, художник, просветитель // История и культура волго-вятского края: к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии. Киров, 1994. С. 349.
6. Мосунов Б. Указ. соч. С. 67.
7. Smilianskaia E. B. God has plenty of space: old belief and popular christianity // Religion in eastern Europe. – 2006. – May, 2. – P. 34.
8. Мосин А. Г. Источники по истории книжной культуры жителей Вятской губернии (1840 – 1850) // Культура и быт дореволюционного Урала: сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 110.
9. Бельтюков Н. Старообрядцы: книжность // Сельс. труженик. – 1992. – № 133. – 5 нояб. – С. 3
10. Там же.
11. Архив ИБЭ. Уржумский р-н, с. Шурма, 1952 г. Тетр. «Сон Пресвятой Богородицы и другие писания». 18 л.
12. Покровский Н. Н. Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 10.
13. Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Старообрядчество и процесс формообразования в Российской цивилизации // Обществ. науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 107.
14. Черных М. Семья Максимовых в Уржумском уезде // Уржумс. старина. – 1991. – № 3. – С. 24.
15. ЦДИА (Центр. державный исторический арх.). Ф. 707. Оп. 35. Д. 362. Л. 3 – 11-об.
16. ГАКО (Гос. арх. Кировской области). Ф. 582. Оп. 84-а. Д. 159. Л. 1-об.
17. Полевые материалы. д. Шихали, 2001. Информатор Ефросинья Ивановна (1937 г. р.).
18. Там же; Полевые материалы. д. Уни, 2002 г. Информатор Загвоздкина А. Ф. (1938 г. р.).
19. ГАКО. Ф. 2169. Оп. 45. Д. 74. Л. 106-об.
20. Там же.
21. Полевые материалы. Информатор Загвоздкина А. Ф.
22. Полевые материалы. д. Пиляндыш, 2003 г. Информатор Чернов И. В. (1924 г. р.).
23. Полевые материалы. д. Борисовцы, 2004 г. Информатор Злобина М. В. (1932 г. р.).
24. Полевые материалы. Информатор Загвоздкина А. Ф.
25. ГАКО. Ф. 2169. Оп. 45. Д. 74. Л. 20-об.
26. Полевые материалы. Омутнинский район, 2001 г.
27. Там же.